

**ПЕРИОДИКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ КАК ИСТОЧНИК
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ: НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИИ
ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ПОЭТЭССЫ МАРИИ ВЕГИ**

А.Н. КРАВЦ

Мос.,

Интерес исследователей к мемуарам русской эмиграции XX в. можно считать устойчивым. Однако далеко не всегда берется широкий спектр мемуаров разной природы, т. е. принадлежащих перу людей разных профессий. Тем более почти нет исследований, которые рассматривают мемуары в ситуации «прикрепления» к определенному печатному органу. Для исследования мной были выбраны публикации поэтессы М. Веги в парижском журнале «Возрождение» (1949–1974), предоставившего свои страницы, как правило, либо малоизвестным авторам, либо достаточно известным и авторитетным в эмиграции лицам, но пишущим нерегулярно, а иногда и спорадически. Их взгляд на описываемые ими события интересен прежде всего как исповедальный текст на уровне повседневной жизни [Местергази 2007а: 49–50]. Как отмечает исследователь К. Ваншенкин, главная особенность литературных мемуаров как жанра, на его взгляд, состоит в том, что их пишут не только литераторы, а замечательные образцы оставляют артисты, художники, ученые, военные, то есть люди, которым не приходит в голову сочинять романы или рассказы [См.: Ваншенкин 1999: 12–13]. Как и в нашем случае – рассматриваемый роман-мемуар «Бронзовые часы» – единственное прозаическое произведение М. Веги. Как в этой работе, так и в других публикациях и статьях по материалам журнала «Возрождение» мной предпринята попытка комплексного, многостороннего подхода к изучению мемуаристики, публиковавшейся на страницах многолетнего авторитетного в эмиграции издания – до Второй мировой войны оно было одним из ведущих: «Среди газет, главными, можно сказать были «Последние новости» (1920–1940) и «Возрождение» (1925–1940), причем таковыми они являлись не только для Парижа, но и для всей эмиграции, их знали все и читались они повсеместно» [Азаров 2006: 61]. То же можно сказать и о «воздоревшемся» после войны «Возрождении». Несмотря на серьезный научный интерес зарубежной филологической школы к русской литературе, включая литературу русского Зарубежья, литературной перспективе уделялось недостаточно внимания. В XX в. выполнена лишь одна научная работа, в которой предпринята попытка источниковедческого анализа журнала «Возрождение» – в Университете Вандербильт (штат Теннесси, США) в 1974 г. защищена диссертация на тему «Возрождение: русское периодическое издание и его сотрудники» [См.: Tomasziwskyj 1974]. Вместе с тем, данное издание служит прекрасным источником анализа филологических изысканий русского Зарубежья.

Каждый номер «Возрождения» предваряла справка об издании, сообщавшая, что журнал этот был «основан 3 июня 1925 года в виде ежедневной газеты, с 1936 года преобразован в еженедельную газету. 7 июня 1940 года, накануне вступления в Париж германской армии, издание было временно прекращено; с января 1949 года и до декабря 1954 года «Возрождение» выходило шесть раз в год, с января 1955 года – ежемесячно» [«Возрождение» 1949]. Как указывает С. Нимарочева: «Несмотря на скромный подзаголовок – «Литературно-политические тетради» и объем, не позволяющий претендовать на звание «толстого», журнал этот быстро приобрел известность в русском мире <...>. Сохраняя на протяжении всего времени своего непростого существования четкую антикоммунистическую направленность, журнал вместе с тем имел и широкую преобразовательную концепцию, выраженную в его девизах: «Величие и свобода России», «Достиоинства и права человека», «Ценность культуры». В литературном разделе «Возрождения» печатались произведения как мастеров русской литературы – Бунина, Гиппиус, Мережковского, Б. Зайцева, Ремизова, Шмелёва, – так и новых эмигрантов <...>. В разделе литературной критики и литературоведения появлялись не только ёмкие отзывы на книжные новинки, но и серьезные статьи по истории русской литературы. Квалифицированные, свободные от социологизации творчества истолкования произведений русских классиков выгодно отличались от продукции советских литературоведов – недаром в последнее десятилетие в России перепечатаны многие из литературоведческих статей, увидевших свет в «Возрождении». Очень представительным был раздел документальных свидетельств, где, в частности, были опубликованы (посмертные) дневники Зинаиды Гиппиус, «Моя летопись» Тэффи, ряд ценных воспоминаний о жизни Льва Толстого, писем писателей и деятелей культуры» [Нимарочева 2002].

Основателем и «донатором» издания являлся бывший нефтепромышленник и фабрикант А.О. Гукасов (Гукасянц), который в эмиграции стал политиком и общественным деятелем. В 1940 г. газета «Возрождение» прекратила свое существование, но после Второй мировой войны Гукасов возобновил периодическое издание под тем же названием, но уже в виде журнала, который, выходя до 1974 г., стал своеобразной заменой довоенной газете. Сам издаватель придерживался монархических взглядов и стремился пропагандировать в финансируемый

органах дело возрождения России через реставрацию монархии. Одновременно поддерживая и другие периодические издания, он хотел усилить правое политическое крыло эмиграции, противостоящее «революционерам» – эсерам и кадетам, игравшим первые роли в периодической печати Зарубежья. Ведь широко известно, что большинство их изданий выходило благодаря финансовой поддержке западных правительств и различных правительственные фондов. При создании газеты «Возрождение» в начале 1920-х гг. на место главного редактора был приглашен П.Б. Струве, в прошлом член ЦК партии кадетов, придерживавшийся позиции «либерального консерватизма». Он был известным экономистом, историком, философом, литературным критиком, журналистом и еще во время своей эмиграции до революции издавал журнал «Освобождение» (1902–1905 гг.). В 1927 г. из-за конфликта с Гукасовым Струве оставил пост главного редактора и на его место был принят Ф. Семенов. Тем не менее П.Б. Струве удалось очень многое сделать для газеты. Именно благодаря его стараниям она приобрела широкую популярность в эмиграции, может быть, даже большую, чем газета «Последние вести» [См.: Азаров 2006: 66].

В качестве примера публикации в «Возрождении» для исследования взята документально-художественная мозаика поэтессы Марии Веги. Имя М. Веги прежде всего связано с ее поэтическими произведениями, которыми она известна не очень большому кругу специалистов-литературоведов. И хотя основные ее работы выходили за рубежье, отдельные публикации и стихотворные сборники появлялись в печати также и в Советском Союзе («Лолень-трава. М., 1970; Самоцветы. М., 1978; Ночной корабль. М., 1982). Но все же пик ее творчества и наибольшее количество публикаций пришлись на годы эмиграции – 1920–1960. Достаточно сказать, что в журнале «Возрождение» ее произведения печатались почти в каждом номере. А советские публикации были связаны с желанием поэтессы вернуться в родной Петербург. Её мечта осуществилась в 1975 г., когда она вернулась на родину, чтобы прожить в Петербурге (тогда – Ленинграде) недолгих пять лет. Но, к сожалению, до сих пор отечественное литературоведение не может похвастаться вниманием к ее наследию. Появлялись лишь отдельные публикации о поминании ее имени в связи с текстом, получившим признание в виде романа «Черная моль» (другое название – «Институтка») [См.: Лопато 2003; Кравчинский 2008]. Лишь в 2009 г. владелица и хранительница ее архива – Елена Светлана Соложенкина при посредничестве издательства «Водолей» смогла выпустить наиболее полное собрание поэтических произведений М. Веги. «Среди поэтов «первой волны» эмиграции – в плеяде Бунина, Ходасевича, Георгия Иванова, Одоевцевой и других – легче всего было «затеряться» тем, кто по каким-либо причинам вернулся в СССР: если эмигранты не могли этого простить Цветаевой, то что говорить о поэтах не столь известных <...>. Среди «затерявшихся» – Мария Ланг (1898–1980), урожденная Волынцева, взявшая псевдоним «Мария Вега», издавшая в эмиграции три сборника стихотворений, не такой уж малой ценой вернувшаяся на родину и дожившая свой век в городе на Неве», – указывает издательство в анонсе к книге [Вега 2009].

Помимо стихов и писем в данном сборнике заслуживает внимания и послесловие [Соложенкина 2009], в котором современная поэтесса касается особенностей автобиографизма в творчестве представляемого автора. Особь в нем идет только о лирике, в которой личностное начало имманентно выражается наиболее определенно. Это происходит в прозаических произведениях Марии Веги – осталось непроясненным.

Вместе с тем, ее проза (автодокументальные произведения «Бронзовые часы» и «Бродячий ангел»), впервые опубликованная в русском Зарубежье, так и не была воспроизведена отдельным изданием. В России до сих пор не появилось ее прозаических книг – ни в виде отрывков, ни хотя бы в журнальном варианте, хотя публикатор не упоминает о них в своем послесловии, говоря, что она «обрела <...> известность и как драматург и романист» – это «благосклонный прием читателей и критиков встречают два ее романа – «Бронзовые часы» и «Бродячий ангел»». Также С. Соложенкина указывает на такую важную деталь: «На одном из публичных чтений (Мария Вега вспомнила парижскую литературную публику с отрывками из романа «Бронзовые часы») оказался сам «Иван Бунинский» – так почтительно именовали в эмигрантских кругах Ивана Алексеевича Бунина. Дождаться от него комплимента было, как известно, не просто – с таким же успехом можно было выжать из камня воду» [Соложенкина 2009: 392]. Но Бунин выразил свое одобрение, что произвело впечатление на многих.

Думается, что Бунин оценил в этих романах прежде всего художественное, а не документальное начало, более что первое особенно заметно становится прежде всего из текстуального анализа. Не менее интересно выявить грань между документальным воспроизведением реальности и ее творческой переработкой в произведениях М. Веги. К тому же важно ответить на вопрос, какую роль играет лиризм в художественном преображении реальности (учитывая, что мы имеем дело с прозой поэта).

Знакомство с указанными текстами позволяет утверждать, что и не эмиграция была причиной того, что из-за нее М. Веги выходили столь сильные произведения. Однако вместе с тем следует иметь в виду, что эмиграция с ее всплеском исповедальной литературы, или «документального романа» [См.: Местергази 2007б: 174–177] – сыграла в свою очередь существенную роль. По выражению Е. Местергази, распространением «литературы фактов» был дан толчок к разного рода жанровым модификациям, существующим на грани вымысла и фактологии.

Востребованность такого рода сочинений как со стороны издателей, так и со стороны читателей побуждала писателей исповедоваться, обращаться к собственной биографии.

Но все же мемуары художника в первую очередь претендуют на то, чтобы к ним подходили с эстетической меркой (что и сделал, очевидно, Бунин). Это – не первый и не единичный пример такого рода [См.: Набоков 2013; Ходасевич 2012; Иванов 2000; Одоевцева 2012а; Одоевцева 2012б], но он уникален все же именно в том отношении, что, помимо этих двух романов (а по сути одного в двух частях), поэтесса создала лишь несколько мелких рассказов и зарисовок, а также ряд театральных пьес («Великая комбинаторша», «Король треф», «Суэта сует». «Ветер» и др.).

Внутренние же причины обращения именно к мемуарному жанру, на наш взгляд, были следующие: изменения окружающего мира вызывали изменения в частной жизни, а изменение страны в целом вызывало у эмигрантов приступы меланхолии и ностальгии по утраченному. Это являлось традиционной интенцией эмигрантского существования [Фрейд 1998: 214; Глушаков 2006: 61–75]. Это же в свою очередь приводило к насущной необходимости, даже не к желанию, а именно к необходимости высказаться. Рассказать о том, что, быть может, уже не повторится в том виде, как оно было*. Причем было обыденным, естественным и казалось неизменным на века. Рассказать, находясь на грани крушения всего составлявшего это ранее надежное и основательное.

В замужестве (а она была замужем трижды) М. Вега не имела детей. Возможно, это драматическое ощущение как некое сверхчувствие и руководило ею, заставив оставить потомкам пережитое. Ведь о чем-то может рассказать только она, больше некому: «История, которую я хочу рассказать, хранится только в моей памяти. После меня она исчезнет с лица земли» [Вега 1957: 103]. А еще в ее текстах ощутимо желание исповедальности по отношению к предкам, мистическое воплощение идей космизма философа Н. Федорова: «...глаза мои – окна, за которыми толпятся призраки, жадно заглядывая в наш мир, прося воплощения, тоскуя о потерянной земле. Я дам им живой воды, и они сейчас войдут в эту тетрадь, заговорят, будут дышать и плакать и снова умрут на последней странице» [Вега 1957: 103]. В другом месте – вновь перекличка с русским космизмом, где признается размытость граней потустороннего и этого миров, где земное пространство переходит в космическое, а историческое время соседствует с вечностью: «Под знаком белых ночей жизнь необычайна, – жизнь между небом и землей. Сердце к сердцу. Исчезло понятие о времени» [Вега 1958: 82]. Очень точно подмечено – белые ночи размыают понятие о времени, потому что ночь становится неотличима от дня, день продолжается в сумраке, ночь не наступает никогда. И сутки растягиваются до бесконечности. Таким образом, Вега воплощает концепцию, согласно которой «биографии создают историю, человек наполняет время гуманистической личностью, тем содержанием, благодаря которому эпоха и остается в памяти потомков» [Глушаков 2006: 61–75].

В итоге талантливая поэтесса смогла создать повествование, которое легко читается, лирически окрашено, наполнено подробностями быта. А из множества мелочей складывается мозаика, воссоздающая облик эпохи. Таким образом, с точки зрения определения жанровой структуры, данный текст явно может быть отнесен к жанру биографии, но определить, что в нем превалирует – опора на документальный материал, фактографическая основа или художественное преображение фактов – довольно затруднительно.

Очевидно, что литература русского Зарубежья в творчестве Марии Веги пыталась нащупать координаты собственной судьбы, обнаружить преемственность в своем настоящем положении и пребывании. Историко-биографическая беллетристика, к которой можно отнести и романы Веги, с ее функцией синтетического саморазвития и диалога эпох и культур позволила вписать такие поиски в жанровые формы, которые уже сами по себе несли память о непрекращающейся и позитивной истории русской литературы [Глушаков 2006: 61–75]. И Вега, как писатель, в отличие от документалиста или историка, пыталась решить встающие перед ней вопросы не только с помощью имеющихся знаний или документов, писем или публикаций, но и при помощи интуиции, образно-метафорического видения жизни. Поэтическое осознание мира помогло ей в этом. Документальная основа явилась лишь местом развития сюжета, по сути своей вымышленного и беллетристизированного.

Библиография

- Азаров 2006 – Азаров Ю.А. Литературные центры первой русской эмиграции: история, развитие и взаимодействие. Дисс. ... д. филол. н. М., 2006. 452 с.
- Ваншенкин 1999 – Ваншенкин К. Рассказать о своей жизни // Вопросы литературы. 1999. № 1.
- Вега 1957 – Вега М. Бронзовые часы // Возрождение. 1957. № 68.
- Вега 1958 – Вега М. Бронзовые часы // Возрождение. 1958. № 75.
- Вега 2009 – Вега М. Ночной корабль: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2009. 528 с.
- Возрождение 1949 – От редакции // Возрождение. 1949. № 1.

* Воспоминания другой писательницы русского зарубежья А. Тырковой-Вильямс, названные «То, чего больше не будет», акцентируют именно этот аспект.

Книжность и литература

- Глушаков 2006 – *Глушаков П.С.* Проблемы типологии и функционирования историко-библиографического жанра в ли-те-ре русского зарубежья // Филология и человек. 2006. № 1. С. 61–75.
- Иванов 2000 – *Иванов Г.В.* Петербургские зимы. СПб.: Азбука, 2000. 283 с.
- Кравчинский 2008 – *Кравчинский М.* Драма «Институтки» // Кравчинский М. Песни, запрещенные в СССР. Нижний ород: ДЕКОМ, 2008. С. 188–190.
- Лопато 2003 – *Лопато Л.* Волшебное зеркало воспоминаний. М.: Захаров, 2003. 232 с.
- Местергази 2007а – *Местергази Е.Г.* Литература нон-фикшн. Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007.
- Местергази 2007б – *Местергази Е.Г.* О термине «документальная литература» // Вестник Тамбовского университета. я «Гуманитарные науки». Тамбов. 2007. Вып. 11 (55). С. 174–177.
- Набоков 2013 – *Набоков В.В.* Другие берега. СПб.: Азбука, 2013. 282 с.
- Нимарочева 2002 – *Нимарочева С.* Журналы русского зарубежья // Литература. № 45. 2002. URL: <http://lit.1september.ru/lcf.php?ID=200204509> (дата обращения 22.06.14)
- Одоевцева 2012а – *Одоевцева И.В.* На берегах Невы. СПб.: Лениздат, 2012. 477 с.
- Одоевцева 2012б – *Одоевцева И.В.* На берегах Сены. СПб.: Лениздат, 2012. 478 с.
- Солженицина 2009 – *Солженицина С.* Жизнь длиною в Млечный путь (Послесловие) // Вега М. Ночной корабль: Стихот-вания и письма. М.: Водолей, 2009. С. 380–397.
- Фрейд 2012 – *Фрейд З.* Печаль и меланхолия // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории пси-хиаза: Сборник. СПб.: Алетейя, 1998.
- Ходасевич 2012 – *Ходасевич В.Ф.* Некрополь. М.: Статут, 2012. 173 с.
- Tomasziwskyj 1974 – *Tomasziwskyj J.* Vozrozhdenie: a Russian periodical abroad and its contributors. Nashville, 1974. 272 p.
Ph.D. in Russian – Vanderbilt University, 1974.